

Валентин Пикуль

Повесть о печальном бессмертии

*Часть сборника
Кровь, слезы и лавры.
Исторические миниатюры*

Кровь, слезы и лавры

Валентин Пикуль

Повесть о печальном бессмертии

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

Повесть о печальном бессмертии / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ»,
— (Кровь, слезы и лавры)

«Что такое опера?..Беру с полки книгу, читаю: „Опера называется действо, пением управляемое. Она, кроме богов и храбрых героев, никому на театре быть не позволяет. Все в ней есть знатно... золотые веки собственно в ней показываются... Для представления первых времен мира и непорочного блаженства выводятся в ней счастливые пастухи и во удовольствии пребывающие пастушки“...»

Валентин Пикуль

Повесть о печальном бессмертии

Что такое опера?..

Беру с полки книгу, читаю: «Опера называется действо, пением управляемое. Она, кроме богов и храбрых героев, никому на театре быть не позволяет. Все в ней есть знатно... золотые веки собственно в ней показываются... Для представления первых времен мира и непорочного блаженства выводятся в ней счастливые пастухи и во удовольствии пребывающие пастушки».

О, наивность старого мира! Поставим книгу на место. Словно в густой первобытный лес, мы погружаемся в темный XVIII век, когда прозвучала в России первая опера.

А в музыкальных справочниках (между именами П. В. Аравина и Д. И. Аракишвили) уместилось иностранное имя – Франческо Арайя; имя это сейчас мало что говорит русскому сердцу... Между тем я был счастлив, когда мне удалось раздобыть изображение Франческо Арайи, который пышным метеором проскользил по горизонту русской жизни и тихо погас в отдалении.

Имя этого человека вошло в историю нашей культуры.

Но, скажите, слышал ли кто из вас его музыку?

Я никогда не слышал... ни единой его ноты.

Он бессмертен! Хотя это печальное бессмертие.

Было время Анны Иоанновны, время гадостное... Корабль пришел в Петербург издалека, в шорохе поникли паруса, выбеленные солнцем. Конец пути. Устал корабль, но еще больше устали люди, на нем приплывшие. Искатели судьбы! Бродяги и артисты, наемные убийцы и продажные женщины – все пламенно взирало на русскую столицу, богатства и славы от нее вождедея. Пассажиры робко ступили на топкий берег, полого до воды сбегавший. Крутились крылья мельниц за крышами Двенадцати коллегий, а беленькие козы, тихо бляя, паслись на травке.

Смеркалось над Невой, но день не угасал. Матросы, обняв один другого, уходили вдаль, горланя перед неизбежной пьянкой. Подумать только: еще вчера качало зверски, в потемках трюма стучались бочки со скверной солониной, а теперь паруса, свернутые в трубки, словно ковры, приникли к реям, — и тишина... Какая тишина! Уверенно ступая, шкипер сошел на берег. В сиреневых сумерках белой ночи он разглядел фигуру одинокого пассажира, возле ног которого шуршала скользкая осока.

– Синьор, а вы почему не поспешили в город?

– Я не знаю, куда мне идти. Я никого не знаю здесь...

Старый моряк-далматинец с удивлением оглядел странного пассажира – он был молод и красив, как Аполлон.

– Я как раз собрался в остерию, чтобы напиться там хуже разбойника. Ступайте же и вы за мной. Вам, может, повезет, и вы среди местных пьяниц встретите своих земляков...

В остерии путешественник присел у двери. Закрыв глаза, он стал делить кабацкий шум на дольки, словно апельсин. Вот немцы говорят, вот англичане, вот французы, гортанно и крикливо спорят рокошующие голоса – русские. А вдруг его как будто обожгло родным наречьем – итальянским! Вскочив, он подбежал к столу, за которым восседали два приличных господина в коротких париках, какие носят мастеровые и художники.

– Я прямо с корабля. Вы говорите языком моей родины.

Господа ремесленники привстали благородно:

– Я живописец и гравер Филиппе Маттарнови.

– Я театральным декоратор Бартоломее Тарсио...

Они пригласили его за стол.

– Меня зовут, – начал он свой рассказ, – Франческо Арайя, я родом из Неаполя, где песней начинают день и песней провожают. Родители мои незнатны, но природа рассудила за благо наградить меня даром музыкальных композиций. Синьоры! Я удивлен, – воскликнул Арайя, – почему ваши лица остались каменны? Неужели слава обо мне еще не дошла до этих пасмурных краев?

– Франческо Арайя... ты случайно не знаешь такого? – спросил живописец Маттарнови у декоратора Тарсио.

– Увы, – вздохнул тот. – Впервые слышу...

Арайя поникнул головой, большой и гордой.

– Пять лет назад я поставил первую оперу «Verepice», а вслед за нею прозвучала на весь мир и вторая... о любви!

– Но... *где* они прозвучали? – спросили его.

Арайя возмутился: уж не принимают ли его за самозванца?

– Синьоры! – выпрямился он. – Мои оперы услышала Тоскана и... Рим, сам гордый Рим рукоплескал мне, а Тоскана носила меня на руках. Вы не поверите, сколько у меня было тогда амурных приключений из-за этой славы, подстерегавшей меня из-за угла, как убийцы неосторожную жертву...

– Тоскана – это хорошо, – причмокнул Маттарнови.

– Рим – тоже неплохо, – согласился Тарсио.

– Но сосна еще не рождает скрипки, – засмеялся Арайя. – Скрипку из сосны рождает труд. И я способен быть трудолюбивым, итак, синьоры, продолжу о себе... Две оперы прошли с успехом, четыре знатные дамы вонзили стилеты в свои ревнивые сердца, не в силах перенести моих измен. Но, принеся славу на легких крыльях, мне оперы в карман не нашвыряли денег...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.